

Посвящается Маргарите

Благодарности

Работа над этой книгой продолжалась несколько лет, поэтому мне особенно приятно наконец выразить свою признательность друзьям, коллегам и организациям, которые мне помогали. П. Остин, К. Ботерблум, Р. Коллис, Д. Кракрафт, Д. Дельбурго, С. Диксон, покойный И. З. Серман, М. Свобода, покойный В. М. Живов и Э. Зицер читали отрывки из этой работы в основном на самых ранних стадиях. Их комментарии были как критическими, так и поддерживающими. Я благодарен любезному персоналу Библиотеки Макклеллана в Университете Макгилла, библиотеки Российской академии наук и Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (мне бы хотелось выразить особую благодарность Б. А. Градовой из последнего учреждения). На протяжении многих лет меня поддерживали Университет Макгилла, Северный государственный университет, Американский совет преподавателей русского языка и Программа Фулбрайта. Благодаря их щедрости я смог провести много времени (возможно, даже слишком много) в Санкт-Петербурге.

Мой хороший друг и бывший коллега из Университета Макгилла И. Рашид впервые прочитал эту работу, когда она только начинала свою жизнь как диссертация. Он продолжал читать и критиковать ее на протяжении многих лет. Его дружеские советы и поддержка остаются для меня одними из самых теплых воспоминаний о времени, проведенном в Университете Макгилла. Д. Вейдлингер терпеливо выслушал множество докладов, основанных на этой работе, на различных конференциях, он всегда был откровенен и поддерживал меня. К. Леки, К. А. Осповат и Й. Клейн читали последние версии этого издания — я в дол-

гу перед ними за их пронизательные суждения. Б. Уизенхант, мой старый друг из Санкт-Петербурга и Чикаго, читал множество версий моей рукописи и предложил то, что всегда бывает самым полезным: поддержку. Никто не потратил столько времени на чтение моих попыток связать жизнь М. В. Ломоносова в единое целое. Бен, спасибо тебе!

Эффективнее всего меня поддержал Г. Маркер — будучи редактором серии в «Academic Studies Press», он заказал мне эту рукопись. Его пронизательность и внимательность к моей работе значительно улучшили конечный продукт. Ш. Ведол была идеальным редактором. Она не просто сопровождала рукопись до публикации, но и с готовностью отвечала на все мои вопросы и откликалась на опасения.

Спасибо Игорю Немировскому за то, что он поддержал публикацию «Изобретения Михаила Ломоносова».

В аспирантуре мне посчастливилось учиться у В. Босса. Он был не просто ободряющим советчиком, а позже другом; благодаря ему я обрел непреходящий интерес к русской культуре XVIII века. Наши беседы в Музее Ломоносова были незабываемыми. Я не мог бы и мечтать о более интересном и эрудированном учителе. Мой покойный отец Арнольд и моя мать Сейя всегда давали мне то, что ожидается от родителей: безусловную любовь и безопасность. У меня нет слов — или почти нет, — когда я думаю о своей жене Маргарите и дочери Изабелле. Достаточно сказать, что я глубоко счастлив, а иногда и удивлен, что они обе есть в моей жизни. Что ж, Маргарита, теперь, когда Ломоносов исчез из нашей жизни, мы отправляемся в наше следующее удивительное путешествие.

Версии введения и часть текста были опубликованы ранее. Я благодарю издателей за разрешение частично перепечатать следующее: *Russia's 'First' Scientist: The Self-Fashioning of Mikhail Lomonosov* // Steven A. Usitalo and William Benton Whisenhunt, eds. *Russian and Soviet History: From the Time of Troubles to the Collapse of the Soviet Union*. Rowman & Littlefield, 2008; и: *Lomonosov: Patronage and Reputation at the St. Petersburg Academy of Sciences* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2011. Vol. 59. № 2. P. 217–239.

Введение

Вот уже более 200 лет эрудит XVIII века М. В. Ломоносов (1711–1765) прославляется в русской культуре как «отец» русской науки, литературы и, в более широком смысле, образования¹.

Общие контуры биографии Ломоносова хорошо известны в его собственной стране. Каждое поколение советских и российских школьников, пусть и не по своей воле, знало наизусть легендарные истории о сыне рыбака с далекой северной окраины Российской империи (он родился в деревне близ Архангельска, недалеко от Белого моря). Кульминацией неутомимой жажды знаний Ломоносова стали годы его плодотворной работы в Санкт-Петербургской Академии наук. Задуманная еще Петром Великим,

---

¹ В то время как истоки идеи, что Ломоносов является отцом или основателем русской науки и реформатором русского литературного языка, лежат в XVIII веке, рождению мифа о Ломоносове, как и многому другому, относящемуся к изучению культурных событий Российской империи XVIII и XIX веков, мы обязаны общественному деятелю и литературному критику XIX века В. Г. Белинскому. Именно он, по-видимому, придал более четкий, хотя и кажущийся теперь шаблонным, импульс уже существующим убеждениям. Белинский много ссылался на Ломоносова в своих произведениях, и его высказывания, всегда сделанные авторитетным тоном, обычно принимали вид афоризмов. Для Белинского «Ломоносов был не только поэтом, оратором и литератором, но и великим ученым», человеком, который глубоко изменил жизнь своих соотечественников, привнес в Россию науки и образование (цитата взята из рецензии 1836 года на двухтомный исторический роман К. А. Полевого о Ломоносове [Белинский 1953–1955, 2: 189]). Он также писал, что Ломоносов, будучи безоговорочно блестящим в своих способностях, является «отцом русского слова и русской учености» (цитата взята из краткой критической статьи, написанной Белинским в 1844 году [Белинский 1953–1955, 8: 359]).

она и по сей день остается основным научным и культурным учреждением России.

Выдающийся физик, химик (в Академии наук он занимал кафедру химии), поэт, историк, лингвист, географ, художник и не только, он является самым знаменитым действующим лицом русского Просвещения².

Дискуссии не только о природе, но и о самой концепции русского Просвещения в советский период часто имели идеологическую окраску. В связи с усиленным ростом русского национализма в 1940–1950-е годы многие ученые начали настаивать на том, что Просвещение в Российской империи имело ярко выраженные локальные особенности, в основании которых находился абсолютный материализм. Однако даже наиболее экстремальные из этих политических и социальных характеристик русского Просвещения никогда не были ни общепризнанными, ни даже четко сформулированными. Одновременно с этим регулярно появлялись глубоко проработанные исследования и монографии, посвященные связям русской культуры и литературы XVIII века с идеями западноевропейских мыслителей эпохи Просвещения³.

Акцент в исследованиях делался почти исключительно на связях с Западом. Тот факт, что Российская империя могла просто испытывать культурное влияние французских, немецких или английских идей Просвещения без какого-либо предполагаемого ответного влияния на «европейскую культуру», по крайней мере формально, долгое время отвергался.

---

² Пагубное влияние П. Н. Беркова, который долгое время возглавлял Группу по изучению русской литературы XVIII века в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), подчеркивается Д. М. Гриффитсом в [Griffiths 1982]. Тезис о том, что идея русского Просвещения была в значительной степени сформулирована отдельными учеными из СССР и ГДР, предлагает и М. Д. Окенфусс [Okenfuss 1995: 223–230].

³ Чрезвычайно полезным справочником является серия «XVIII век» [XVIII век 1935–2011]. Состоящая на данный момент из 26 томов, она, несмотря на претензии некоторых ее авторов относительно расцвета и оригинальности русской культуры XVIII века, представляет собой превосходный обзор русской интеллектуальной жизни и русского Просвещения.

Если Российская империя подверглась воздействию идей Просвещения, то в ней должны были появиться и свои просветители [Griffiths 1982: 317]. Ломоносов, «первый русский ученый», был явным кандидатом на канонизацию в качестве «великого сына русского народа».

В конце концов, его скромное недворянское происхождение удивительно гармонировало с квазимарксистскими принципами, которым были вынуждены следовать многие советские историки и литературоведы в исследованиях XVIII века. Контраст между достижениями Ломоносова и его крестьянским происхождением производил не меньшее впечатление и на писателей XVIII и XIX веков. Становление молодого ученого вопреки всевозможным социальным и экономическим ограничениям стало центральной идеей в благоговейных текстах о его жизни. Причины и цели выстраивания этого нарратива будут рассмотрены далее.

Как часто это было характерно для натурфилософа XVIII века, сфера интересов и деятельности Ломоносова была разнообразной. Помимо диссертаций по химии, физике, металлургии, горному делу, геологии, астрономии и управлению наукой в России⁴, он написал несколько литературных и лингвистических трактатов, в том числе руководство по риторике, составил «Российскую грамматику», а также предложил ряд реформ русского стихосложения.

Ломоносова также помнят как одного из самых выдающихся поэтов России, менее выдающегося драматурга и автора некогда

---

⁴ Большинство работ Ломоносова были посвящены натурфилософии в широком смысле этого слова. См. последнюю и, возможно, окончательную версию его собрания сочинений: [Ломоносов 1950–1983], особенно т. 1–5; в дополнение к этому т. 9–11 содержат обширную официальную документацию и переписку, связанную с его научной работой. Примечания к отдельным работам серии раскрывают данные предыдущих публикаций. Г. З. Кунцевич, составивший [Кунцевич 1918], указывает несколько выпущенных прежде изданий собрания сочинений Ломоносова. Публикации Ломоносова на русском языке XVIII века см. в [Сводный каталог 1962–1975], в особенности т. 2, с. 162–177.

широко распространенных исторических произведений. Некоторое время он руководил гимназией и университетом Академии наук, возглавлял ее географический отдел, помогал наладить издательскую деятельность Академии. Он также основал первую в России химическую лабораторию, содействовал созданию Московского университета, открыл фабрику по производству стекла, приложил множество усилий для развития мозаичного искусства в России и работал над созданием научных приборов, из которых, возможно, наиболее примечательны те, что были предназначены для отечественной навигации.

Ломоносова повсеместно превозносят в России как человека, чей вклад в науку⁵ — которым незаслуженно пренебрегают за пределами России — не бледнеет по сравнению с достижениями таких научных, культурных и в конечном счете национальных героев, как Ньютон, Коперник, Галилей и Франклин. Аналогии с Ньютоном и Франклином особенно тесно вписаны в посвященную Ломоносову историографию и красноречиво подчеркивают высокий статус, присвоенный ему в российском культурном дискурсе. Но, в отличие от случаев с вышеупомянутыми «корифеями науки», ему не приписывают никаких достоверных открытий или разрушающих предшествующую парадигму прозрений. Российские ученые приложили немало усилий, чтобы исправить этот очевидный недостаток, и их деятельность по широкому распространению представлений о том, что плодотворные научные рассуждения Ломоносова демонстрируют глубокую оригина-

---

⁵ Автор указывает, что перевод русского слова «наука» на английский язык вызывает трудности. Оно часто переводится как «science», но имеет более широкое значение, чем его английский эквивалент. Его лучше сравнивать с немецким словом «Wissenschaft», которое означает общее стремление к знаниям, не ограничиваясь натурфилософией. Различие между «science» и более обширно понимаемой «наукой» станет ясным при последующем рассмотрении вопроса. Употребление слова «science» в связи с Ломоносовым или любым другим химиком, физиком, астрономом, математиком и т. д. эпохи раннего Нового времени как ученого, конечно, является анахронизмом (сам термин широко не использовался до первых десятилетий XIX века), но оно является общепринятым и позволяет избежать семантической путаницы.

нальность и дальновидность, в течение последних двух столетий разворачивалась все более быстрыми темпами⁶.

Общим местом в исторической литературе, посвященной российской науке, является, по всей видимости, предположение о том, что исследования Ломоносова в области химии, физики, географии и всего остального, к чему подвели многочисленные

---

⁶ Производство текстов, связанных с именем Ломоносова, напоминает хорошо отлаженную отрасль промышленности, причем фантастически плодотворную: по моим подсчетам, уже сейчас в этой сфере имеется около четырех тысяч публикаций, и их число продолжает расти. Ведущая роль Академии наук в организации этой поистине религиозной деятельности освещена в работе [Радовский 1961: 222–271]. [Смагина 2011] рассматривает усилия Академии, предпринятые в 1780–1790-х годах и связанные как с публикацией трудов Ломоносова, так и с поощрением биографических работ о нем. За этими начинаниями наблюдала княгиня Екатерина Дашкова, самый энергичный директор Академии XVIII века. В качестве путеводаителя по большей части досоветской литературы, которая составляет менее четверти от общего числа работ, см. [Фомин и др. 1915]. Более свежие источники см. в библиографических и/или архивных материалах, содержащихся в каждом томе сборника [Ломоносов 1940–2011]. Почти всю соответствующую архивную информацию, касающуюся собственных трудов Ломоносова, можно найти в изданиях: [Модзалевский 1937; Модзалевский, Тункина 2011; Кулябко, Бешенковский 1975; Беляева 2010; Мартынов 2010]. Более того, обширные комментарии к собранию сочинений Ломоносова, расположенные в конце каждого тома, содержат множество ссылок на соответствующую первичную и вторичную литературу. Вплоть до конца XIX века научной работе Ломоносова уделялось сравнительно меньше внимания, чем художественной стороне его деятельности. С тех пор существует приблизительный паритет в пространстве, отведенном его научной и литературной деятельности. Советским историкам науки не было равных в количественном отношении в издании биографий (и в гораздо меньшей степени автобиографий) ученых, натурфилософов, технических специалистов и тому подобного. Титанические биографические усилия, направленные главным образом на демонстрацию российского научного прогресса, фактически включали в себя все советские исследования научного прошлого. Эти исследования игнорируются практически во всех нерусскоязычных исследованиях, посвященных «подъему европейской науки». Ярким историографическим примером является [Söderqvist 2007]; см., в частности, его введение. Похвальная цель Седерквиста по исследованию масштабов научной биографии с момента ее зарождения сводится на нет из-за отсутствия, за исключением одного некорректного намека, ссылок на русскоязычную науку.

и разнообразные виды его деятельности, стали основанием для работы последующих поколений ученых. В высшей степени спекулятивный характер научных работ Ломоносова, в дополнение к тому незавершенному состоянию, в котором он оставил многие из них, позволил ученым, работающим в тени его имени (имя Ломоносова приобрело широкую известность после его смерти), делать экстраординарные выводы относительно его очевидной связи с более поздними учеными, с их открытиями и предположениями⁷.

Попытки схематически изобразить прямое интеллектуальное влияние оказали сильное влияние на российских и советских ученых, оценивающих место Ломоносова в истории науки, однако они чреватые ловушками. Например, такими, как заявление историка М. И. Сухомлинова о том, что «Румовский, Котельников и Протасов получили свое научное образование под руководством Ломоносова; Лепехин и Иноходцев были учениками Румовского и Котельникова; Озерецковский, Соколов и Севергин образовались под благотворным влиянием Лепехина и т. д.» [Сухомлинов 1878]⁸. Несмотря на то что все вышеупомянутые натурфилософы рубежа XIX–XX веков, безусловно, были осведомлены о научной работе Ломоносова, а некоторые из них знали его лично, нет никаких свидетельств о «родословной», ведущей от научных трактатов Ломоносова к их собственным исследованиям. Это верно как в отношении его современников XVIII века, так и в отношении любой предполагаемой линии развития идей Ломоносова последующими поколениями ученых.

В вопросе о том, основал ли Ломоносов школу или сообщество студентов, продолжавших его научную работу, можно категорически признать, что он не оставил ни одного прямого последова-

---

⁷ Примером являются книги [Меншуткин 1904] и [Меншуткин 19116].

⁸ С. Я. Румовский (математик), С. К. Котельников (математик), А. П. Протасов (анатом), И. И. Лепехин (исследователь), П. Б. Иноходцев (астроном), Н. Я. Озерецковский (естествоиспытатель), Н. Н. Соколов (химик) и В. М. Севергин (химик и минералог) были одними из самых выдающихся деятелей ранней российской науки.

теля. Единственный ученик Ломоносова, который явно пытался идти по его стопам, В. И. Клементьев, служил его ассистентом по химии, но умер на пять с лишним лет раньше учителя (Клементьев скончался в 1759 году) [Ломоносов 1950–1983, 9: 60–63, 103, 442–443, 471–472, 664, 667–668, 675–679, 852; Раскин 1962; Раскин 1952]⁹. Более того, Ломоносов в значительной степени отказался от активной работы в своей химической лаборатории и от обучения студентов к началу 1750-х годов. Несмотря на утверждения многих российских и советских ученых, такие уважаемые натурфилософы XVIII века, как Румовский и Котельников, усердно избегали влияния Ломоносова. Румовский, в частности, был резок в своем мнении об исследовательских способностях Ломоносова, поэтому вряд ли может быть классифицирован как его последователь.

Однако вместо того, чтобы заикливаться на хорошо изученных подробностях биографии Ломоносова или чрезмерно оспаривать их, по крайней мере сверх необходимого понимания контуров его влияния на русскую культуру, мы сосредоточимся на попытке понять, почему сформировалась «мифология Ломоносова» и каково ее значение. Бесспорно, что преувеличенно богатая интеллектуальная генеалогия в российской науке, в которой Ломоносов считается родоначальником множества научных дисциплин и достижений, существует с конца XIX века.

Основополагающие элементы этой мифологии, однако, встречаются уже в мемуарах Ломоносова, написанных в последние три десятилетия XVIII века. Крайне избирательная конфигурация

---

⁹ Натан Брукс объясняет неспособность Ломоносова подготовить преемников отсутствием стабильного сообщества ученых в России XVIII века. По его мнению, не существовало каких-либо установленных институциональных процессов, с помощью которых учащиеся могли бы сменять своих учителей. См. [Brooks 1989: 40–58]. Диссертация Брукса о научных сообществах не вызывает возражений, хотя и чрезмерно узкая; будущие исследования структуры науки в России раннего Нового времени могли бы извлечь выгоду из изучения природы как формальных, так и неформальных сетей покровителей и клиентов. Заставляющая задуматься работа такого же типа, посвященная тактике и стратегии продвижения Галилея, главным образом при флорентийском дворе, это [Biagioli 1993].

исторических деталей в них убедительно свидетельствует об определенных «мифогенных» качествах русской культуры, которые, по-видимому, сыграли решающую роль не только в структурировании содержания этих мемуаров, но и в их восприятии¹⁰. Автобиографические размышления Ломоносова также были важным источником для последующего представления и искажения действительности.

Возведение ученых в ранг светских святых с сопутствующими неточностями, преувеличениями или ложью в их известных биографических данных вряд ли является уникальным явлением для российской культуры, однако им сопутствуют особенности, которые характеризуют рождение любого мифа¹¹. Мифотворче-

¹⁰ И. В. Рейфман предлагает поучительный анализ этого феномена и, более конкретно, формирования русских литературных мифологий XVIII века и выдающегося положения Ломоносова в них в своей книге [Reufman 1990: 1–131]. Подчеркивая силу мифа о сотворении мира в России XVIII века, она отмечает роль таких фигур, как Петр Великий и Ломоносов: «Главный герой мифа о сотворении мира, демиург или культурный герой, придает вещам надлежащее расположение и устанавливает правила для будущих поколений... Таким образом, герой в некотором смысле является предком нынешнего сообщества» [Reufman 1990: 11]. Подробнее о мифологическом этосе, который, по-видимому, отличал Россию XVIII века, см. в следующих основополагающих статьях: [Лотман 2002; Лотман, Успенский 1996в; Лотман, Успенский 1996г].

¹¹ В книге [Abir-Am 1982] представлены различные цели, с помощью которых национально-политические, институциональные и дисциплинарные повестки дня могут быть удовлетворены или сорваны путем манипулирования наиболее заметными образами, предназначенными для отбора научных «культурных героев» (особенно интересны главы, посвященные Н. Копернику, Л. Пастеру и М. Планку). Хотя научная деятельность Б. Франклина не находится в центре моего внимания, сравнительную ценность для моей работы представляет исследование [Huang 1994]. Также интересен труд Ф. Азуви «Descartes» [Azouvi 1998]. Автор прослеживает путь репутации Декарта во Франции за последние три столетия. Как утверждает Азуви, Декарт и картезианство подвергались интенсивному и конкурирующему политическому, религиозному и научному давлению со стороны последующих поколений французских авторов, что привело к невозможности точно сформулировать, что составляет биографию Декарта или картезианскую философию. Что же касается мифологии вокруг фигуры Ньютона, то в последующих главах этой работы будет представлено сходство между методами и целями его ранних биографов и авторов жизнеописаний Ломоносова.

ский характер России XVIII века, позволивший репутации Ломоносова разрастись до поразительных масштабов, по-видимому, черпал свою силу в более всемогущем историческом культе Петра Великого¹². Многие россияне долгое время придавали его правлению совершенно апокалиптический смысл.

Центральной в представлениях петровской эпохи была идея о том, что старая Россия и сопутствующая ей культура полностью побеждены Россией новой. По словам Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, это привело к тому, что «“новое” отождествлялось с хорошим, ценным, достойным подражания, “старое” же мыслилось плохим, подлежащим слому и уничтожению» [Лотман, Успенский 1996в]¹³. На основе этого мнения среди элит сформировалось твердое убеждение о том, что начиная с эпохи Петра Великого русские пережили не просто культурное пробуждение, а совершенно «новое начало», которое переориентировало их мышление¹⁴.

---

¹² О происхождении и развитии культа Петра Великого в России см. следующее: [Петр Великий 2003; Cherniavsky 1969: 72–100; Gasiorowska 1979; Hughes 2002: 225–250; Лотман, Успенский 1996б; Николаев 2007; Platt 2011; Плюханова 1979; Путилов 2000; Riasanovsky 1985; Шмурло 1912].

¹³ Этот «образ “новой России” и “нового народа” сделался своеобразным мифом, который возник уже в начале XVIII столетия и был завещан последующему культурному сознанию», и это, как утверждают Лотман и Успенский, «настолько глубоко укоренилось, что, по сути дела, не подвергалось сомнению» [Лотман, Успенский 1996в]. См. также [Стенник 1988] и [Клейн 2005], особенно его глава «Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова».

¹⁴ С. Л. Бэр в труде [Baehr 1991] предлагает всесторонний анализ литературы XVIII века о Петре Великом. Опубликованные работы на эту тему были, что неудивительно, полностью панегирическими по тону. Место Петра в сочинениях Ломоносова, возможно, засвидетельствованное с особой ясностью через его хвалебные оды, посвященные дочери Петра Елизавете, освещается во многих исследованиях, в том числе в упомянутой выше книге Бэра. См. также [Гребенюк 1987; Levitt 2012: 15–63; Погосян 1997: 85–123; Serman 1988: 82–112]. Н. В. Рязановский указал центральное место, которое Петр I занимает в российском историческом дискурсе. Им мастерски представлены взгляды Ломоносова на «царя-реформатора» (см. [Riasanovsky 1985: 30–34, 50]).

Конечно, притягательный потенциал науки и фигуры ученого сыграли ключевую роль в причинах, по которым правление Петра воспринималось как прогрессивный разрыв с традицией. Ломоносов, движимый бескорыстным стремлением к распространению знаний среди своих соотечественников, олицетворял идеалы петровской эпохи. С самого начала он служил проводником, который сперва способствовал принятию нового типа знания, а затем стал его основным распространителем. Как по личным качествам, так и по профессиональным достижениям биография Ломоносова свидетельствовала о личности сверхчеловеческих (действительно петровских) масштабов. Возможное слияние его жизни с мифом о Петре Великом (хотя и в явно второстепенной роли¹⁵), а также с комплементарным представлением о революционном темпе перемен XVIII века в целом раскрывает генезис того, что фигура Ломоносова стала значить исторически. Он воплотил петровский (и советский?) идеал высокого положения, достигнутого благодаря достойной службе, контрастировавший с якобы дискредитированным приобретением ранга только по рождению.

В этой книге прослеживаются истоки и развитие чрезмерной образности, связанной с репрезентацией Ломоносова в качестве отца российской науки с момента ее возникновения в конце XVIII века до гибели в конце советского эксперимента¹⁶. Идеали-

---

¹⁵ В статье Александра Портнова «Ну, Михайло Василич, задал загадку. Был ли Ломоносов внебрачным сыном Петра I?» (Труд. № 65. 13 апреля 1995 года) высказывается предположение, согласно которому Ломоносов был незаконнорожденным сыном Петра. Эта статья цитируется в [Hughes 1998: 331]. Конечно, Хьюз отвергает легенду о том, что Ломоносов был потомком Петра, это делает и Портнов, отмечая при этом, что Ломоносов «несомненно был духовным отпрыском Петра».

¹⁶ В эпилоге я размышляю о дальнейшей судьбе или постсоветской жизни ломоносовского мифа. Я ограничил свое исследование образами Ломоносова в письменных работах. Хотя в такого рода исследованиях автор всегда подвергается обвинениям в идиосинкразии в связи с выбором текстов, я полагаю, что моя логика выбора конкретных работ и авторов будет ясна. Существует также множество визуальных образов, посвященных Ломоносову, большая часть которых поразительно агиографична. См. [Бабкин 1940; Ченакал 1965; Глинка 1961; Ломоносов 2011; Николаев 2011; Рытjikова 2011].

зированное изображение Ломоносова было использовано российскими учеными, историками и поэтами, в частности, в попытках продемонстрировать своим соотечественникам и государству прагматическую пользу науки для модернизации страны. Идея о том, что наука имеет решающее значение для реализации широких культурных устремлений, также была заложена в обожествлении ученого. Я отделил научное наследие Ломоносова от представлений о его значимости как литератора. Сам он, возможно, и считал химию и физику своими основными занятиями, но наследие национальных героев оспаривается, и его жизнь была использована авторами следующих поколений для продвижения своих научных и исторических программ [Зубов 1956]¹⁷. Выдвигая это предположение, я утверждаю, что нельзя проводить четкого разделения между использованием мифа о Ломоносове в советский и более ранний период российской истории. Основные элементы, сформировавшие соответствующую мифологию, были заложены в XVIII и XIX веках, тогда как советские ученые просто добавили еще несколько плотных слоев к существовавшим до них представлениям.

Хотя в XVIII веке деятельность ученого в разнородных областях не была чем-то необычным, к XIX веку идея энциклопеди-

---

¹⁷ Историографический обзор Зубова не только сохранил свою ценность для изучения, в частности, российской науки XVIII века, но и представляет собой довольно тщательный обзор работ о Ломоносове вплоть до середины XIX века. Менее достоверным исследованием литературы о Ломоносове является [Соловьев, Ушакова 1961]. Авторы этой работы полны решимости проиллюстрировать влияние Ломоносова на более позднюю русскую мысль. Для более тщательного историографического исследования, включающего как более ранние, так и более поздние исследования, посвященные истории российской химии, см. [Шептунова 1995]. Позиционируемая как первая «постсоветская» биография Ломоносова, книга [Шубинский 2006] ставит под сомнение многие агиографические излишества, которые искажают место Ломоносова в российской истории и в истории науки. В то же время Шубинский не опровергает их в достаточно удобочитаемом изложении. Возможно, лучшими из «западных» исследований, посвященных научной жизни Ломоносова, являются [Boss 1972: 152–237; Lomonosov 1970: 3–48; Vucinich 1963: 105–116, 401–402].

ческой личности стала несовместимой с развитием более узких профессиональных специализаций. На рубеже XIX и XX веков исследователи, стремившиеся определить место Ломоносова в российской науке, сосредоточились на разделении его до сих пор бесчисленных специализаций на роли химика, физика, географа и т. д.¹⁸ Хотя детали научных трудов Ломоносова были творчески переработаны и расширены в последующих пересказах, представления о нем как о воплощении возникновения и расцвета науки в России были той точкой опоры, на которой строились почти все описания.

В первой главе данной книги рассматриваются напряженные попытки Ломоносова создать для себя в Академии наук надежную «социально-профессиональную» роль натурфилософа. Научное призвание было еще плохо сформированной профессиональной категорией, совершенно лишенной установленного ранга. Те, кто успешно делал научную карьеру, полностью зависели от благосклонности могущественных благодетелей. Когда Ломоносов искал ощутимой поддержки или простого поощрения, И. И. Шувалов был его самым надежным покровителем. Довольно искусственное использование Ломоносовым покровительства для повышения своего статуса в российском обществе сформировало его собственные мифотворческие устремления. В данной главе подробно рассматриваются его попытки тесно связать себя с авторитетом Х. Вольфа и Л. Эйлера. Его очевидные связи с Вольфом и Эйлером являются исключительно важными мотивами, сначала в его собственном самовосприятии, а затем в исторических представлениях о нем.

---

¹⁸ Как заметил Д. Гаскойн: «Наука не меньше, чем религия, нуждается в своей галерее святых как источниках подражания, чтобы обеспечить ощущение преемственности и традиции. Но, неизбежно, потомки избирательны в составлении такого списка благословенных, поскольку копаются в прошлом в поисках фигур, которые, по-видимому, лучше всего соответствуют потребностям настоящего. Ученые XIX и XX веков с большим уважением относились к отцам-основателям своей дисциплины, которые оставили свой след в манере, наиболее знакомой ученым более поздней эпохи» [Gascoigne 1996: 243].

Существуют явные признаки того, что многие русские мыслители, заинтересованные в подчеркивании важности натурфилософии для развития своей страны, были глубоко вдохновлены общепризнанным к концу XVIII века героическим образом Ломоносова, даже если сами не находились под его прямым влиянием или связанной с ним мифологией. Разработка научной биографии Ломоносова его современниками является предметом второй главы. Труды Я. Я. фон Штелина, Н. И. Новикова и М. И. Веревкина сыграли основополагающую роль в формировании ранних взглядов на Ломоносова. Последующие ученые постоянно пересматривали значение Ломоносова, а также оценки его фигуры в трудах М. Н. Муравьева и А. Н. Радищева. Резкая оценка Ломоносова Радищевым вызвала особенно интересный, хотя и неоднозначный резонанс в его мифологии. Вторая глава иллюстрирует, что образ Ломоносова служил каналом, через который обсуждались и в определенной степени популяризировались тенденции научной мысли в России XVIII века. Ранние жизнеописания Ломоносова также косвенно подчеркивают зачаточное состояние жанра биографии в России.

В третьей главе рассматриваются попытки определить ценность Ломоносова как натурфилософа, предпринятые в начале XIX века химиком и минералогом В. М. Севергиным. Его настойчивость в доказательстве значимости Ломоносова как достойнейшего примера по утверждению важности науки для россиян для будущих ученых демонстрирует продолжающийся поиск его места и статуса среди первых российских ученых. Оценку Севергина сделал особенно заметной тот факт, что он был «профессиональным» ученым. Также в третьей главе обсуждаются красноречивые оценки А. С. Пушкиным места Ломоносова в русской культуре, которые оказались, благодаря тотемному статусу Пушкина, очень важными для дальнейшего развития исторической известности Ломоносова. Изучение ассоциаций между Пушкиным и Ломоносовым дает существенное понимание силы мифологического этоса в русской культуре.

Увлекательная встреча русских ученых и писателей XIX века с многочисленными «научными» образами, связанными с именем

Ломоносова, произошла во время празднования столетия Московского университета в 1855 году. В то время как культурные достижения Ломоносова получили широкое признание, его научные работы подверглись как никогда прежде жесткой критике. Эта новая реакция на репутацию Ломоносова анализируется в четвертой главе. В ней также затронута литература, появившаяся в связи с празднованием юбилея Ломоносова в 1865 году. Празднования прошли более чем в 20 городах и поселках. Многочисленные публикации этого года о Ломоносове стали результатом усилий деятелей культуры всех мастей по внедрению идеи, что Россия становится все более современной страной, характеризующейся наличием в ней признанного научного наследия. То, что Ломоносов олицетворял дух этого наследия, было ясно продемонстрировано как в докладах, сделанных в Московском университете в 1855 году, так и на протяжении всего юбилейного 1865 года.

Химик и историк науки Меншуткин посвятил себя качественному совершенствованию и количественному преумножению историографических трудов, посвященных научной деятельности Ломоносова. Почти 40-летняя работа Меншуткина в российских и советских архивах (которая закончилась с его смертью в 1938 году) послужила основой для более чем 20 опубликованных им исследований, которые рассматриваются в заключительной главе. Выявляя ранее неопубликованные или, казалось бы, забытые химические и физические рукописи Ломоносова, а также добавляя к ним пространные комментарии, Меншуткин стремился добавить обширный научный аппарат к и без того впечатляющему научному наследию, приписываемому Ломоносову. Его настойчивый акцент на предвосхищающем характере научных размышлений Ломоносова пронизывает все его работы и является апофеозом образа Ломоносова как бесстрашного научного первооткрывателя.

Именно в рамках популярной биографии Ломоносова, которую Меншуткин впервые опубликовал в 1911 году, было наиболее решительно достигнуто сочетание анализа и легенды мифа о Ломоносове. Работа Меншуткина по разработке связанной

с Ломоносовым мифологии пересекает несколько искусственную историческую пропасть между имперской Россией и Советским Союзом и уместно демонстрирует, что представления о Ломоносове как о первом русском ученом не были исключительно продуктом каких-либо конкретных политических представлений, а, скорее, появились и сохраняли актуальность благодаря усилиям поколений российских мыслителей.

Меншуткин завершил расширенное издание этой биографии цитатой из стихотворения «Eregi monumentum» Горация, переведенного Ломоносовым:

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
[Меншуткин 1937: 314]

Ода Горация (позже ее форма была использована в более известном стихотворении Пушкина) — прекрасная аллегория не только кажущегося успешным стремления Ломоносова к земным почестям, но и желания увековечить свою память среди последующих поколений соотечественников. Великая похвала, которой русская культура издавна одаривала имя Ломоносова, говорит о том, что его цели были достигнуты.

Как и в случае с Пушкиным, слава Ломоносова намного превзошла любые реалистические ассоциации с известными деталями его биографии; памятник Ломоносову — это мифология. То, как и почему он был создан, интригует больше, чем реальные научные достижения¹⁹. Действительно, я бы сказал, что Ломоно-

---

¹⁹ Попытка П. Нора интерпретировать французское прошлое таким образом, чтобы «меньше интересоваться причинами, чем следствиями; меньше интересоваться действиями, которые запоминаются или даже отмечаются, чем следами, оставленными этими действиями и взаимодействием этих воспоминаний; меньше интересоваться самими событиями, чем построением событий на основе времени, в исчезновении и повторном появлении их

сов представляет интерес прежде всего как символическая фигура, чрезвычайно яркая до недавнего времени, которая на протяжении двух столетий удовлетворяла ощутимым интеллектуальным и эмоциональным требованиям, которые русская гордость предъявляла к национальному мифу²⁰.

значений; менее быть заинтересованным тем, «что на самом деле произошло», чем его постоянным повторным использованием и неправильным использованием, его влиянием на последующие события; меньше интересоваться традициями, чем тем, как традиции создаются и передаются», может быть полезна при рассмотрении некоторых русских мифов и символов. См. предисловие к [Nora 1998].

²⁰ О происхождении русской гордости, или национальной идентичности, или национального сознания, или национализма (в большинстве обширной литературы по этим темам определения безнадежно размыты, когда применяются к конкретным «национальным» условиям) см. противоречивое, всегда вызывающее споры объяснение Л. В. Гринфельд в [Greenfeld 1992: 189–274]. По мнению Гринфельд, «в конечном счете именно “исконная русскость” оправдывала новый статус (или статусные устремления) недворянских интеллектуалов» (таких, как Ломоносов) [Greenfeld 1992: 243], и эта зарождающаяся русскость развилась исключительно из «разочарованности» «Западом». «Экзистенциальное» негодование, ревность, испытываемые российской элитой, как дворянской, так и не дворянской, по отношению к Англии, Франции, Пруссии, Нидерландам и другим странам, как считает Гринфельд, также были причиной «горькой и неоправданной» ненависти Ломоносова к другим ученым, особенно немцам в Академии наук. Ее аргументы частично проливают свет на то, как и почему сам Ломоносов стал символом национальных (или националистических) устремлений: «он символизировал необходимость возвеличить русскую культуру и сделать ее сопоставимой с культурами Западной Европы».

Глава 1

Честь и статус в «Автобиографии» Ломоносова

Репутация Ломоносова как натурфилософа резко возросла в годы, последовавшие сразу за его смертью. Этот факт наводит на мысль, что до этого посмертного возвеличивания, которое наиболее отчетливо проявилось в изобилии биографических панегириков, имя Ломоносова в России находилось под угрозой исчезновения. Однако точные механизмы, с помощью которых великая слава изначально была связана с его жизнью, неясны¹. Вполне заметные мифогенные черты в русской культуре XVIII века частично объясняют это развитие событий, но особенно интересна ревностная и умелая защита Ломоносовым своего собственного образа. Этот аспект во многом все еще определяет то, как воспринимается его биографии. При всем уважении к С. Гринблатту, это можно определить как самоформирование Ломоносова.

Гринблатт в своих исследованиях убедительно утверждает, что способность формировать себя и свою автономию к XVI веку постепенно ограничивалась способностью «семьи, государства

---

¹ Р. Йео высказывает аналогичное мнение о «точном происхождении и развитии элементов, составляющих ньютоновскую мифологию», в [Йео 1988: 258–259]. Несмотря на неопределенность относительно ее зарождения, его последующий акцент на повсеместном распространении этой мифологии по всей Англии XVIII века представлен убедительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru